

АНДРЕЙ ИЗЫДОРОВИЧ БУТВИЛО

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета ПетрГУ
butvilo@rambler.ru

О БЕССПОРНЫХ И СПОРНЫХ ДОСТИЖЕНИЯХ ИСТОРИКОВ КАРЕЛЬСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Заметным событием в историографии Карелии стал выход в свет в 2008 году монографии «Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии» [12]. На ее появление «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» откликнулись самой положительной рецензией [11]. Однако то обстоятельство, что рецензент по совместительству является научным редактором и одним из авторов книги и таким образом вносит нечто совсем новое в практику научного рецензирования, побуждает к дискуссии.

Монография вызвала у рецензента К. Ф. Белоусова исключительно положительные ощущения, на что он, безусловно, имеет полное право. Скептики скажут, что вместо рецензии получилась аннотация, но это мелочи и придирики. В данном случае важно не столько качество рецензии, сколько созданный прецедент. Смелая новация К. Ф. Белоусова, будучи поддержанной коллегами по научному сообществу, сможет оказаться весьма плодотворной. И если довести ее до логического конца, то можно будет перейти к защите диссертаций перед самим собой и присуждению себе любимому всевозможных ученых степеней назло ВАКу с его списками рецензируемых журналов. Если же говорить серьезно, то столь незатейливый «ргомотион» не вполне достоин самой книги. Она заслуживает более

серьезной оценки, не в последнюю очередь благодаря усилиям самого К. Ф. Белоусова, которому роль научного редактора и соавтора удалась явно лучше, нежели амплуа рецензента.

Должен признаться, что для меня чтение этой книги стало приятным разочарованием, поскольку изначально я испытывал к ней большое предубеждение. «Ведомственная» историография априори не способствует объективности в анализе исследуемого учреждения. А тут еще и само учреждение крайне неоднозначно как по своей истории, так и по специфике деятельности. Все это позволяло с большой долей вероятности предположить, что читателю предложат очередную версию повествования о благородных рыцарях с горячим сердцем и холодным умом, продолжающих традиции, заложенные лучшим другом детей и величайшим гуманистом ХХ века Ф. Э. Дзержинским. С удовлетворением должен признать, что ошибался.

Авторскому коллективу удалось выдать не пропагандистский, а вполне научный продукт, не лишенный, конечно, определенных недостатков, но в целом вполне достойный. Авторы взялись за крайне сложную задачу. История органов государственной безопасности нашей страны требует особого профессионализма, поскольку приходится иметь дело с ведомством, посредством которого еще совсем недавно осуществля-
ет

лялся массовый террор, небывалый по историческим меркам, ни одна жертва которого не будет забыта и прощена. В то же время нельзя забывать и о тех чекистах, которые отдали свою жизнь в борьбе с реальными врагами нашей страны как в военное, так и в мирное время. Любое государство не может существовать без спецслужб, деятельность которых по определению допускает использование белых перчаток в самую последнюю очередь, да и то лишь для сокрытия отпечатков пальцев. И историку, обращающемуся к этому предмету, следует быть особенно аккуратным.

Повторюсь, в целом авторам, прежде всего Э. П. Лайдинену и С. Г. Веригину, это удалось. Правда, члены авторского коллектива настолько прониклись спецификой деятельности исследуемого учреждения, склонного к чрезвычайной таинственности и конспирации, что и сами решили тщательно замаскировать источники своей информации, категорически отказавшись от такой составляющей научного аппарата, как сноски на использованные источники. Научный уровень книги от этого резко снизился, но зато конспирация была соблюдена. То обстоятельство, что значительная часть информации об истории органов безопасности Карелии представлена во вполне открытых и доступных для исследователей фондах Национального архива РК, в данном случае на авторов впечатления не произвело. Для читателей, далеких от проблематики рецензируемого издания, добавим, что и ведомственные архивы ФСБ РФ, конечно, с учетом специфики ведомства, доступны для историков и хотя бы поэтому заслуживают архивных сносок. Не могу удержаться, чтобы не высказать недоумение относительно непоследовательности авторов: раз уж начали наводить тень на источниковедческий плетень, то следовало бы обзавестись псевдонимами, а тем, кто книгу прочтет, запретить выезд за границу.

Но все же само содержание монографии позволяет сделать вывод о том, что характеристика по крайней мере первых 30 лет истории органов государственной безопасности Карелии основана на достаточно широкой источниковой базе. Судя по всему, она была представлена материалами преимущественно архива УФСБ по РК. Не занимаясь специально историей спецслужб, попробую показать односторонность и недостаточность такого подхода на примере одного периода – времени существования Карельской Трудовой Коммуны (1920–1923 годы). Автором соответствующего раздела монографии, замечу, одного из лучших в книге, является Э. П. Лайдинен. Краткости ради остановимся на двух моментах: образовании Карельской областной и ликвидации Олонецкой губернской чрезвычайных комиссий.

ОБРАЗОВАНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ ЧК

Фактическая работа по формированию самостоятельного государственного аппарата Карель-

ской Трудовой Коммуны, формально созданной 7 июня 1920 года, началась только осенью 1920 года. 21 сентября 1920 года комиссия по разделу олонецких губернских учреждений приняла решение рекомендовать на пост председателя вновь создаваемой Чрезвычайной комиссии заведующего Секретным отделом Олонецкой губернской ЧК В. П. Лузгина. 24 сентября Революционный комитет КТК согласился с этой рекомендацией. 1 октября 1920 года председатель Олонецкой губчека О. К. Кантер направил в ВЧК представление о назначении В. П. Лузгина председателем Карельской ЧК и утверждении новых составов президиумов чрезвычайных комиссий КТК и Олонецкой губерний [1; 86–87]. 13 октября 1920 года президиум ВЧК утвердил внесенные предложения и поручил В. П. Лузгину и О. К. Кантеру в срочном порядке приступить к разделу штатов и инвентаря [12; 48].

Со своей стороны командующий войсками внутренней службы РСФСР 12 ноября 1920 года издал приказ: «В связи с разделением Олонецкой губернии на две самостоятельные губернии: Олонецкую губернию и Область Карельской Трудовой Коммуны, призываю командующему войсками Петроградского военного округа сформировать батальон для обслуживания губчека Карельской Трудовой Коммуны, для чего выделить из 23 Отдельного стрелкового батальона одну роту и развернуть ее в батальон» [1; 105].

В монографии «Органы безопасности Карелии...» автор соответствующего раздела Э. П. Лайдинен правильно пишет о том, что О. К. Кантер был категорически против образования самостоятельной Карельской ЧК в условиях остройшей нехватки кадров, мало-мальски способных к чекистской работе. Однако тезис Э. П. Лайдинена о том, что «создание в Карелии параллельной структуры ЧК было явно необдуманным, так как в республике были уже два органа исполнительной власти... между которыми существовали постоянные противоречия» [12; 49] не может не вызвать возражений как по форме, так и по содержанию. С формальной точки зрения следует указать на то, что в 1920 году никакой республики не существовало, как не существовало и органов исполнительной власти в принципе, поскольку последнее не допускалось Конституцией РСФСР 1918 года, отрицавшей принцип разделения властей. Да и термин «Карелия» применительно к этому периоду следует употреблять осторожно.

По существу же проблемы необходимо четко понимать причину упоминаемых Э. П. Лайдиненом постоянных противоречий между органами власти КТК и Олонецкой губернией, да и, добавим, внутри руководства Коммуны. В этом случае станет понятным, что речь шла не о степени продуманности принимавшихся решений, а о разногласиях принципиального характера. Они возникли не только в связи с конкретными последствиями подписания мирного договора между

РСФСР и Финляндией, но и в силу разного масштаба задач, решаемых конфликтующими группами местной элиты и их покровителями в Москве.

«Красные» финны мыслили категориями мировой революции и рассматривали все вопросы, касавшиеся КТК, именно в этом контексте. Их оппоненты предпочитали решать конкретные задачи, которые в избытке поставляла жизнь. В частности, для Э. А. Гюллинга и его соратников создание КТК было важной частью работы по экспорту революции в страны Северной Европы – следовало создать экономически и социально развитую, обладающую широкой политической автономией «альтернативную Финляндию», счастливая жизнь населения которой стимулировала бы скандинавский пролетариат к борьбе против своих эксплуататоров. Лидеры формирующейся «русско-карельской» оппозиции, напротив, рассматривали образование КТК как временный политический маневр, призванный символизировать реализацию права карелов на самоопределение и не предполагающий формирование полноценного государственного аппарата Коммуны, поскольку это нецелесообразно с точки зрения эффективности управления, да и бессмысленно в силу временного характера Коммуны. Аналогичных взглядов придерживались и руководители многих центральных ведомств.

Таким образом, делался выбор не между разными стратегиями повышения эффективности деятельности государственного аппарата, в том числе и спецслужб, а между основными приоритетами политики в регионе: внешнеполитическим и революционным, с одной стороны, и прагматическим, конкретным, «техническим» – с другой.

Изучение источников позволяет скорректировать и предлагаемую Э. П. Лайдиненом конкретную картину формирования и деятельности Карельской и Олонецкой ЧК. Так, он утверждает, что ВЧК в декабре 1920 года поручила О. К. Кантеру добиваться объединения двух чрезвычайных комиссий [12; 49]. Однако есть основания предполагать, что руководитель Олонецкой ЧК сам проявил инициативу, поддержанную затем в Москве. Так, 3 декабря 1920 года Административно-организационный отдел ВЧК направил отношение Карельско-Олонецкому объединенному комитету РКП(б), в котором говорилось: «Олонецкая губчека возбудила перед ВЧК вопрос о создании единой ЧК на территории Олонии и Карелии, мотивируя необходимость этого существующим параллелизмом работ... Признавая эту необходимость, ВЧК постановила произвести слияние и просит объединенный комитет осуществить его, выдвинув кандидатуру председателя объединенной комиссии, и предоставить на утверждение президиума ВЧК». В этом же отношении сообщалось об отзыве О. К. Кантера в распоряжение ВЧК [3; 75].

Еще одним доказательством этого является отношение Олонецкого губисполкома в ЦК РКП(б) от 13 декабря 1920 года, составленное, по наше-

му мнению, О. К. Кантером. В нем, в частности, говорилось: «В ноябре-месяце председателем Олонецкой губернской чрезвычайной комиссии был внесен очередной месячный доклад в Организационный отдел ВЧК, трактующий о возникающих в работе губчека организационных недостатках, главным мотивом которых... является пребывание в одном и том же городе двух чрезвычайных комиссий...» И отношение ВЧК от 3 декабря стало реакцией на этот доклад [2; 60 об.].

8 сентября Карельско-Олонецкий объединенный комитет РКП(б) 11 голосами против 3 высказался за объединение Карельской и Олонецкой ЧК. Отметив, что представители КТК заявили особое мнение, а сам партийный комитет принял решение не посвящать ВЧК в детали местных разногласий, а также сообщив, что О. К. Кантер направил в ВЧК доклад о принятом решении, в котором рекомендовал руководству ВЧК повлиять на Революционный комитет КТК, Э. П. Лайдинен сообщает, что само объединение произошло только через полтора года [12; 49]. Вопрос о том, почему при совпадении взглядов ВЧК и Карельско-Олонецкого объединенного комитета партии объединить комиссии не удалось, остается без ответа. Попробуем ответить на него здесь.

Но для начала добавим, что на заседании 8 декабря было также решено коллегию объединенной чрезвычайной комиссии составить на патристических началах из представителей Революционного комитета КТК и Олонецкого губисполкома, которые должны отчитываться перед назначившими их органами. Председателя ЧК предлагалось назначать по взаимному соглашению ревкома, губисполкома и Карельско-Олонецкого губернского комитета РКП(б). В связи с выявившимися при обсуждении разногласиями Карельско-Олонецкий комитет партии постановил, что принятное решение «считается его мнением, не связывающим Ревком и Исполком в выявлении их точки зрения на этот вопрос перед центральными органами – ВЧК и другими» [2; 60 об.].

10 декабря 1920 года Олонецкий губернский исполнительный комитет заслушал доклад О. К. Кантера и постановил: «Признать предложение ВЧК о слиянии Олонгубчека и Карчека в единый... орган желательным и целесообразным, мотивируя свое постановление ненормальностью параллельной работы в одном губернском городе двух губернских чрезвычайных комиссий, крайним отсутствием необходимого кадра надежных коммунистов-чекистов, отсутствием канцелярского инвентаря, помещений и мебели, поручить... тов. Кантеру написать обстоятельный по сему вопросу доклад для возбуждения перед ЦК партии ходатайства о скорейшем осуществлении намеченной ВЧК реорганизации двух находящихся в городе Петрозаводске ЧК в одну – объединенную» [1; 123–123 об.]. Иначе говоря, по мнению ВЧК и Карельско-Олонецкого комитета РКП(б) присоединился и Олонецкий губисполком. Однако этого оказалось недостаточно.

В тот же день Революционный комитет КТК постановил: «Войти в ВЧК с докладом, в каком на основании того, что: 1) работы ЧК в Карелии, которая является пограничной областью, значительно другого характера, чем в Олонецкой губ.; 2) подчинение ЧК одновременно двум местным органам – Карельскому и Олонецкому исполнокомам – не является полезным; 3) по существующим декретам высших органов центральной власти, Карелия должна иметь свои собственные органы самоуправления, указать на нецелесообразность постановления ВЧК об объединении Карельской и Олонецкой ЧК и настаивать на отмене его» [3; 88–88 об.].

12 декабря 1920 года Революционный комитет КТК обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством об отмене распоряжения президиума ВЧК об объединении Карельской и Олонецкой чрезвычайных комиссий. Мотивировалось оно следующим образом: «Карельская Трудовая Коммуна образовалась из уездов, недавно освобожденных от миллеровских банд, каковым является в первую очередь Кемский уезд, в коем и до настоящего времени, в особенности в некоторых волостях, имеются учреждения, организованные миллеровским правительством и так или иначе не принадлежащие советской власти, где даже в настоящее время происходит наступление банд белых под руководством финских офицеров... и, кроме того, в другой волости (Ухтинская волость) еще не ликвидировано влияние и агитация бывшего ухтинского правительства,шедшего приют почти на самой границе Финляндии и рассылающего своих агентов по всей территории Карелии. Повенецкого уезда – где некоторые волости еще не окончательно освобождены от белофиннов и белых карел, бежавших в Финляндию после ликвидации Северного фронта и в настоящее время в соединении с последним желающих силой оружия навязать свое правление оставшемуся верным советскому правительству населению; Петрозаводского и Олонецкого уездов, подвергшихся в начале 19 г. нашествию белофиннов, часть населения коих совместно с разбежавшимися после этого сторонниками белофиннов до сего времени тяготеют в сторону Олонецкого временного правительства, находящегося в Финляндии.

Кроме того, Карельская Трудовая Коммуна как являющаяся пограничной с Финляндией должна главным образом обратить самое серьезное внимание на границу, так как с открытием последней возобновятся шпионаж и агитация белофиннов, так или иначе заинтересованных в установлении в Карелии своего образа правления. Все указанные обстоятельства рисуют картину характера работ Карельской чрезвычайной комиссии, совершенно отличную от работ чрезвычайных комиссий внутренних губерний, каковой в данном случае является Олонецкая ЧК» [8; 138–39].

В отношении приводились и другие аргументы: огромная и лишенная путей сообщения

территория, на которой пришлось бы действовать объединенной ЧК; данные высшими центральными органами Коммуны привилегии «в смысле устройства своих органов управления»; ненормальность подчинения объединенной комиссии одновременно Революционному комитету КТК и Олонецкому губисполку, причем последний должен был в скором времени выехать из Петрозаводска.

Олонецкий губернский исполнительный комитет, в свою очередь, 13 декабря 1920 года обратился за помощью в ЦК РКП(б). Судя по его постановлению от 10 декабря, текст обращения был подготовлен О. К. Кантером. После краткого изложения истории вопроса отношение содержало просьбу «возможно скорее решить вопрос о слиянии ЧК в политическом смысле, т. к. ... существование на территории одного города сразу двух ЧК следует считать почти невозможным ввиду параллелизма работ этих органов, неизбежных между ними весьма нежелательных как для партии, так и для исполнкома трений, крайне скучного состава как той, так и другой ЧК... отсутствия в городе помещений, канцелярского инвентаря и пр. Кроме того, следует отметить, что громоздкому штату губчека приходится ограничиваться лишь инструктированием 4-х глухих, провинциальных политбюро, т. к. губернский город Петрозаводск... перешел к Карельской Трудовой Коммуне, и губисполком со всеми его отделами пребывает в городе в качестве гостей. Между тем слияние этих органов возможно и желательно и по тем соображениям, что ЧК Карельской Трудовой Коммуны, по всей вероятности, не будет инструктироваться ВЧК особо, как подорган национального выделения... ибо по смыслу декрета Каркоммуна существует на правах губернии РСФСР» [2; 60–60 об.].

Мы не знаем деталей рассмотрения этого вопроса в центре, но ясно одно: перевесили аргументы Революционного комитета КТК. Уже 19 января 1921 года президиум Карельско-Олонецкого объединенного комитета РКП(б) заслушал телеграмму ВЧК о сохранении самостоятельных Карельской и Олонецкой ЧК и поручил фракциям Революционного комитета КТК и Олонецкого губисполкома подготовить предложения о персональном составе их коллегий [10; 7 об.].

СЛИЯНИЕ КАРЕЛЬСКОЙ И ОЛОНЕЦКОЙ ЧК В 1922 ГОДУ

Вопрос об объединении Карельской и Олонецкой чрезвычайных комиссий вновь возник весной 1922 года после подавления карельского восстания. Э. П. Лайдинен считает, что инициатором обсуждения этого вопроса стало полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе, внесшее 13 апреля 1922 года соответствующее представление на рассмотрение Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) [12; 42]. Но еще 28 марта этот вопрос обсуждал-

ся на заседании фракции РКП(б) Олонецкого губернского исполнительного комитета, постановившей: «а) Считать целесообразным на время нахождения губернского центра в Петрозаводске слияние госполитотделов губисполкома и Карисполкома в единый аппарат, состоящий при Карисполкоме, поскольку центр тяжести работ будет направлен на Карельскую Трудовую Коммуну. б) Начальник будущего единого органа – госполитотдела в части деятельности по Олонецкой губернии отчитывается перед губкомом и губисполкомом, вообще согласовывая свою работу с последним. в) Слияние обоих отделов в отношении личного состава и имущества провести с таким расчетом, дабы к моменту надобности отдельы в наикратчайший срок могли перейти на прежнее состояние, т. е. к обособлению...» [4; 66 об.].

31 марта 1922 года Полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе телеграфом запросило Олонецкий губернский и Карельский областной комитеты партии, а также исполняющего обязанности начальника Карельского областного отдела ГПУ об их отношении к слиянию областного и губернского отделов ГПУ [5; 44–44 об.].

13 апреля 1922 года руководители партийных и государственных органов КТК и Олонецкой губернии ответили на запрос: «Каробластком РКП(б), Олонгубком, Карисполком, Олонгубисполком не возражают против временного слияния Олонотдела ГПУ с Каротделом [при] условии создания одного Каротдела при Карисполкоме, обслуживающего также Олонгубернию. В отношении работы [в] Олонгубернии Каротдел должен отчитываться перед Олонгубкомом» [5; 49].

Только после этого и последовало упомянутое Э. П. Лайдиненом обращение Полномочного представительства ГПУ в Петроградском военном округе в Северо-Западное бюро ЦК РКП(б). Он же сообщает, что в ответ было получено согласие. Однако это произошло не сразу. Бюро рассмотрело вопрос 22 апреля и постановило: «Поручить тов. Позерну через областн. Экосо дать задание Плановой комиссии представить данные на предмет окончательного разрешения вопроса об Олонецкой губ. Вопрос же о слиянии госполитуправлений оставить открытым до ближайшего заседания Севбюро» [6; 8].

Полная неясность с вопросом о судьбе Олонецкой губернии действительно затормозила решение пролемы реорганизации местных органов ГПУ. Вновь о ней заговорил прибывший в Карелию В. Р. Домбровский, назначенный начальником Карельского областного отдела ГПУ и исполняющим обязанности начальника Олонецкого губернского отдела ГПУ. Ознакомившись с реальным положением дел, он 26 мая 1922 года обратился в Олонецкий губернский комитет РКП(б) с просьбой рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего существования Олонецкого губотдела ГПУ, довольно живописно обрисовав его состояние:

«1) В настоящее время Олонгуботдел является мифическим учреждением, совершенно ничего не делающим, содержание которого обходится все же довольно дорого и требует значительных материальных средств. Поэтому оставлять далее подобный неработоспособный орган – преступно.

2) Последние аресты наиболее ответственных работников Олонгуботдела вскрыли картину полнейшего разложения, пьяного разгула, буйства и бандитизма (уголовного). Подобное разложение ответственных коммунистов является главным образом последствием полнейшего безделья, и следовательно, существование Олонгуботдела преступно вдвойне, ибо оно разлагает и портит, может быть, очень хороших товарищ» [9; 144].

Повторив далее уже известные аргументы о параллелизме, нехватке кадров и средств, В. Р. Домбровский резюмировал: «Таким образом, сама жизненная необходимость и здравый смысл заставляют слить Олонгуботдел с Кароблотделом немедленно, возложить обслуживание всех уездов Олонецкой губернии на Кароблотдел и предоставить право Олонгубисполкум давать Кароблотделу оперативные задания, контролируя исполнение таковых. ...Олонгуберния в ее настоящих пределах великолепно может обслуживаться Кароблотделом, и следовательно, выделять самостоятельный губотдел ГПУ не представляется необходимым. Во всяком случае, это вопрос будущего, и притом отдаленного, – а дальнейшее существование Олонгуботдела немыслимо ни одного дня» [9; 144 об.]. Но и после этого решение вопроса не сдвинулось с места. В Олонецком губкоме партии и без Домбровского знали о плачевном состоянии дел в Олонгуботделе ГПУ. Буквально накануне – 25 мая – на совместном заседании губкома, Контрольной комиссии и фракции РКП(б) губисполкома рассматривался вопрос о слабости аппарата губернского отдела ГПУ и необходимости его укрепления [7; 21]. А еще за полгода до этого – 9 октября 1921 года секретарь Олонецкого губернского комитета РКП(б) А. И. Кривоносов проинформировал Оргбюро и Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) о том, что «при обследовании Олонгубчека установлен ряд крупных недочетов организационного характера, бессилие аппарата справиться с поставленными задачами и огромная нехватка работников-коммунистов. Т. Панкратов [уполномоченный ВЧК в Петроградском военном округе] просит принять меры к снабжению губчека нужным количеством работников. Губкомом отлично осознается эта необходимость и тем не менее сделать что-либо губком почти бессилен: нет работников» [10; 114].

Даже когда Полномочное представительство ГПУ в Петроградском военном округе 12 июля 1922 года направило в Петрозаводск телеграмму о необходимости слияния областного и губернского отделов [12; 42], возникла заминка. 13 июля Олонецкий губисполком и губком РКП(б) на сов-

местном заседании постановили: «Вопрос о слиянии отделов ГПУ оставить открытым до разрешения в центре вопроса об окончательном положении Олон. губернии» [7; 55]. Но уже 19 июля Олонецкий губком РКП(б) принял новое постановление: «...ввиду предстоящего раскассирования губернии согласиться на слияние губернского отдела ГПУ с Карельским...» [7; 57].

20 июля 1922 года последовал приказ начальника Карельского областного отдела ГПУ и исполняющего обязанности начальника Олонецкого губернского отдела ГПУ В. Р. Домбровского о начале практических мероприятий по слиянию. 25 июля он же приказал «с сего числа Олонгуботдел ГПУ считать ликвидированным, все дела, инвентарь, печать считать переданными в Караблотдел ГПУ» [12; 42].

Можно назвать несколько причин, по которым в 1922 году вопрос о слиянии олонецких и карельских органов государственной безопасности был решен фактически бесконфликтно. Во-первых, карельское восстание доказало настоя-

тельную необходимость единства действий спецслужб в регионе. Во-вторых, Карельский областной исполнительный комитет оказывался в роли победителя, поскольку сохранялся только Карельский областной комитет ГПУ. В-третьих, как видно из оценок В. Р. Домбровского, Олонецкий губернский отдел ГПУ к этому времени фактически разложился. В-четвертых, предрешение вопроса об упразднении Олонецкой губернии не оставляло другого выхода.

Таким образом, отказ от узко ведомственного источниковедческого подхода и обращение к фондам партийных и государственных органов Карелии позволяет существенно обогатить и углубить картину исследуемого вопроса.

В целом же сам по себе тот факт, что выход монографии «Органы безопасности Карелии...» дает толчок новым исследованиям истории спецслужб Карелии, убедительно подтверждает вывод о том, что первая попытка действовать в этом направлении вполне удалась, с чем научного редактора и авторов можно только поздравить.

ИСТОЧНИКИ

1. НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 31/257.
2. НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 34/280.
3. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 152.
4. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 331.
5. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 305.
6. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 288.
7. НА РК. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 291.
8. НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 3/37.
9. НА РК. Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 5/70.
10. НА РК. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 24.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

11. Белоусов К. Ф. Рец. на кн.: Органы безопасности Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5. С. 93.
12. Органы безопасности Карелии: исторические очерки, воспоминания, биографии. Петрозаводск: Скандинавия, 2008. 432 с.